

9 октября этого года Илья Габая, поэту и правозащитнику, исполнилось бы 60 лет. В том же месяце друзья поминают его: 20 октября 1973 года, вскоре после освобождения из лагеря, Илья покончил с собой.

В Кемеровском лагере общего режима Габай написал поэму, которую назвал «Выбранные места»: это как бы стихотворные письма, обращения к друзьям. Некоторые отрывки из поэмы он переслал на волю, включив их в обычные письма. Сейчас, когда многие из этих писем собраны и изданы, они сами воспринимаются как важная часть его творчества.

Перед нами письма одного только лагерного дня: 11 января 1971 года. Читая их, надо хотя бы отчасти представить ту обстановку, в которой они писались, и состояние писавшего их. Лагерь далеко за городом. Секция в многоэтажном бараке. В секции — бригада, сорок человек. «Не очень духовно близкий народ, — мягко замечает в одном из писем Габай, — но притерпеться, особенно если неуклонно проводить свободные часы в своих целях, вполне можно». «В своих целях» — значит, среди прочего, писать письма. Иногда это удавалось лишь ночью. Позади тяжелый рабочий день на морозе, впереди такой же. «Сейчас пять часов утра, жутко хочется спать и вообще весь разбитый и тугим ворочаются мозги», — проговаривается он в другом письме. Навестившая его в один из таких дней жена рассказывает, что с трудом узнала Илью: «Он превратился в старика... Руки опухшие... очень худые и изможденные, это были кости, обтянутые кожей».

Между тем, в письмах Габай обычно никак не выдает своего состояния — разве что намеком; зато сам всегда готов подбодрить и успокоить. Среди адресатов, кроме автора этих строк, — поэт и драматург Ю.Ким, семья педагога Л.Зимана: его жена Алла и мать, ныне покойная Б.И.Шлифштейн; нет в живых и еще двоих: археолога и писателя Б.Федорова, физика, поэта и публициста Г.Копылова.

МАРК ХАРИТОНОВ

Г.Б.ФЕДОРОВУ

(...) Я получил после нового года много писем, точнее, открыток. В том числе и от людей мало знакомых и от тех старых товарищей, на которых внутренне уже махнул рукой. Как хотите, но в моей ситуации есть и человеческое поучение. Главный урок его — в увеличившемся и углубившемся ощущении человеческой ценности. (...) Главный вывод вот какой: как ни иронизируй над словом «интеллигент», в нем, даже в неважные времена, воз человечности и совестливости. Словом, если нашего брата не замучить и не задержат до конца, он обязательно проявит все: и доброту, и порядочность, и гражданственность.

Я вот пишу и боюсь, что мне как-то придется варьировать в стихах многие

Илья Габай.

строки своих писем. Но тут уж ничего не поделаешь, раз уж это именно моя тема (...)

Из одного из выступлений Померанца я запомнил его изложение доктрин, опровергающих исторический прогресс. То есть не научный, технический и пр., а этический. Тогда это показалось мне ошеломляющим. Вот и ключ, скажем, к объяснению фашизма: (нрзб.) — а человеку дали возможность доказать, что нравственность у него дикарская, законы и возмездия не сдерживали его — он проявил. Сейчас я понимаю так, что никакого прогресса нравственного, в сущности, быть не должно. Есть 10 или 20 заповедей, к которым большинство

народов, разделенных пространством и временем, пришли самостоятельно, — и они, видимо, должны быть неизменны. Там уж уточняются только детали — шлифуются. У меня и ключик к этому — через поэзию, через очень любимые мною сейчас «Подражания Корану» (...)

ЮЛИЮ КИМУ

(...) Я тебя очень хочу предупредить вот о чем. В затеянной мной сейчас поэмке есть глава, заведомо слабая, но нужная мне как трамплин к следующей главе. Там такая пустяковая идея: нашего Беранже и меня застает новый век; мы слишком были привязаны к страстям своего времени, и новые люди уже читают нас разве что с комментариями. И, конечно, не Бог весть ка-

кая идея: «Забудутся песни — останется доброе имя». Я это пишу тебе вот зачем: если поэма состоится и в ней останется глава, не воспринимай это никак на свой счет. Мне нужна постановка вопросов (идеи Аввакума или Радищева, которых неспециалисты взахлеб не читают сейчас) и только. И связанные с этим мысли (...)

Г.КОПЫЛОВУ

(...) Как ты вообще оценил роман о Костоглодове¹. По мне, это слабее более ранних и изданных большим тиражом произведений. Там есть некоторая заданность отрицательных образов — в первую очередь, Русанова и его дочери. Вообще, случай у этого

писателя в литературе редкий, у него «отрицательные» герои слабее «положительных». Обычно бывает как раз наоборот. Наверно, очень уж страстен и непримирим он в своей ненависти, это и сказывается, если романы, особенно не сатирические, не гротесковые, а продолжают добротную линию русской классики. Но в этом романе есть кусок недостижимой совершенной прозы — законченный и щемящий; сцена в зоопарке, и еще неудавшийся визит к врачу.

(...) А о Ленинградском деле² опять же ничего не могу судить, хоть и сопереживаю: запальчивость, необдуманный поступок? Слава Богу, что отменили казнь, но и 15 лет — тоже густое наказание (...)

МАРКУ ХАРИТОНОВУ

(...) Твое изложение будущей работы я проглотил с огромным интересом... Я только попытаюсь выделить некоторые неясности к вопросу.

1. Не преувеличиваешь ли ты ироническое отношение к Сеттембрини и Нафте³, их диалог? То есть не смещаешь ли ты акценты этой иронии. Может быть, она порождена не ироническим отношением к концепциям вообще, а просто, забегая вперед, автор подчеркивает бесполезность такого спора перед лицом макрокатастрофы — войны и микрокатастрофы — судьбы Касторпа? (...)

3. Очень соблазнительна эта идея немецкой, но не русской «середины». Но какая же нравственная «середины» у Ницше и его адептов? Чем отличается Достоевский от Ницше, в общем-то понятно: отношением к пращищанству (Раскольников, Ставрогин, Ив.Карамазов), еще, может быть, пониманием неизбежности смердяковщины — Ницше такого фарсового варианта трагического не предвидел. Но, как это ни мракобесно звучит в моих устах (на фоне воспоминаний об отечественном литературоведении 40-х годов) что-то их сближает, хотя бы возможность предположить это «все позволено», его альтернатива (...)

5. Попутное замечание. Оно у меня бродит, и если ты найдешь в нем что-то, может, сумеешь развить. Не игра-

ет ли Серенус Цейтблом такую же роль, как рассказчик «Бесов» — обитатель Скотопригоньевска? Не нужен ли тому и другому писателю такой в общем-то человеческий, но дюжинный взгляд на происходящее? Я хочу сказать о силе того и другого, когда речь идет о бесспорных человеческих оценках (у Д. — бесов, у М. — хотя бы охоты за ведьмами в историческом и современном аспектах). Но когда нужно оценить изнутри явление, не поддающееся простой градации, и Манн, и Д. прибегают к письмам и дневникам Леверкюна и Ставрогина (последнее, понятно, в редакции. (...))

СЕМЬЕ ЗИМАНОВ

Здравствуйте, дорогие мои!

Все-таки Маяковский был 1000 раз прав, когда говорил: «Бойтесь пушкинистов!» Не получая с Пушкинской столько времени писем, я, действительно, стал бояться, что меня все позабыли. (...)

1. Дорогая Белла Исаковна!

Я вынужден, скрипя сердцем, пригнать к ультиматуму. Сейчас же, по получении моего письма, сошлите Анечку в какой-нибудь пансионат или, что лучше, в монастырь (благо, она уже все равно острижена). Я не могу потерпеть, чтобы между мной и книгами стояла эта особа с черепахой. Что это? Я бываю в Вашем доме добрый десток лет, а тут на моих глазах въезжает на коляске какой-то человек и всего за два года преворачивает все вверх дном! О, женщины!

Я, как всегда, ни на что не намекаю, Белла Исаковна, но Эдгара По неплохо пока иметь и в «Памятниках». Вы знаете мою слабость к этим изданиям, да и есть за что: они добротны, снабжены обычно толковым комментарием и пр.

Как же все-таки Ваш сын может пускать пыль в глаза! Переводит общеизвестные выражения и считает себя Голенищевым-Кутузовым, крупнейшим дантистом (или правильно: дантесом!). Думаете, я не могу перевести с итальянского «здравствуйте», «до свидания» и «спасибо». Пожалуйста: чао, бузносайрес! Аривидерчи, рома! грация, синьора! (...)

II. Дорогая Аллочка!

Представляю ли я Леню секундомером? Как сказать? Видишь ли, Леня всегда стремился быть мэтром, поэтому меня ничто не может удивить или озадачить. Но в чем я с ним вполне согласен, так это в том, что человек, не знающий, сколько было в 1927 году выплавлено свиноматок на душу населения, не может быть образованным. (...) Вместо изучения актуальнейших проблем сентябрьского (1928 года) Пленума, ты забиваешь себе голову неразрешимым в сущности вопросом: с чего начинается Родина? Действительно, с чего — с Кушки, с Верхоянска? (...)

III. Дорогой Леня!

Я предлагаю тебе летом поехать с Георгием Борисовичем в Молдавию: там ты легко выучишь еще два (румынский и молдавский) романских языка. Я это говорю серьезно. (...)

Пять писем одного дня — одного лагерного дня. Но, может, в этот день возникли строки еще одного лагерного письма Габая, датированного январем 1971 года: поэмы «Выбранные места»:

Я б навсегда укрылся, если б смог,
(Как в старину сказали бы: под сенью)
В такую малость, в сущности,
в письмо
От друга, — кроме, — в чем мое спасенье?
Там, под пятой воинственных систем,
В проверке человечности и мужеств
Вы — человеки, сколько вас ни мучай:
Вы дружества не предали. Ничем...
Когда-нибудь, при яркой вспышке дня
Грядущее мое осветит кредо:
Я в человеках тож: я вас не предал
Ничем.
Друзья, молитесь за меня!

Публикация
МАРКА ХАРИТОНОВА

Москва

¹ Роман «Раковый корпус» А.Солженицына.

² Дело «самолетчиков» — о намерении угона самолета.

³ Речь здесь и далее о персонажах романов Т.Манна «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус».